

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катерина ШПИЛЛЕР

Про любовь одиноких женщин

Катерина Александровна Шпиллер

Про любовь одиноких женщин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33573033

SelfPub; 2018

Аннотация

"В десятку. В яблочко. В тютельку. Как ещё назвать эту встречу? Странно, что не разверзлись небеса, не пошёл снег летом, не загорелось море, не запели соловьями вороны... Такие встречи, когда не просто пазл складывается, а сама гармония показывается во всём своём совершенстве, случаются крайне редко, обидно редко... почти никогда. Но мироздание почему-то никак не отреагировало на уникальное событие в городе Москве". Содержит нецензурную брань.

Катерина ШПИЛЛЕР

ПРО ЛЮБОВЬ ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН

Повесть

Клуду Лелюшу, любимому режиссёру, посвящается

Почему, почему мои полторы подруги хотят, чтобы я написала что-то о любви? Почему я произвожу на них впечатление того, кто это сделает хорошо и именно так, как им понравится? Отчего в их головы пришла мысль, что моё дело – выступать спецом в жанре так называемого "женского романа"? Если от нечего делать накопалось сколько-то статей в бабском журнальчике на тему М/Ж, то это означает лишь, что я отлично умею компилировать информацию из Интернета и владею словом. С какой стати последовал вывод о моих писательских способностях?

Неужели этого барахла не хватает в нынешних... хотела написать "книжных магазинах", сама себя тут же поправила – в нынешних "этих ваших интернетах"? Как шутил Жванецкий насчёт инженеров в СССР? "Ха, мало у нас этого добра! – Ещё будет!"

Но в моей каждодневной рутине случилось ещё кое-что. В том глянцево-женском журнале, где я подвигаюсь автором статей, у меня произошёл разговор с моим постоянным ре-

дактором – милой девушкой откуда-то из глубокой провинции, доброжелательной, но недалёкой, часто ставящей в словах неправильные ударения. Поначалу я вздрагивала, а потом привыкла – нынче это повсеместно, даже там, где, казалось бы, и близко не должно быть, там, где работают со словом. Что ж поделать – такое время. Редакторша пригласила к себе для "поговорить".

– Понимаете, мой компьютер переполнен рассказами типа "лав стори", но нам нужно что-то другое.

– Вам нужна не лав-стори, а детектив?

– Нет, про любовь, но иначе написанное. Нам нужна красивая история красивой любви, только без секса и прочих подробностей, которыми уже затрах... достали. Даже читатели жалуются, что противно. Вы же видите, что происходит. Не знаешь, кто завтра оскорбится на что-нибудь и в суд побежит. Наше руководство этим очень озабочено! Нервничает.

Вот люди! Лет двадцать приучали народ к сексу, теперь не знают, как отучить. Я хихикнула.

– Тяжело вам. Понимаю.

Редакторша жалобно посмотрела на меня печальными глазами.

– Вот вы очень умная женщина, образованная. Владаете словом. У вас получится! А нам надо срочно, в мартовский номер. А у нас ничего именно такого нет. Выручите, а?

– Любовь. Красивая. Без секса. Да без проблем! – улыб-

нулась я. Что на меня нашло? Хулиганское настроение, не иначе.

– Вот и отлично! – обрадовалась редакторша. – Недели хватит? Как закончите, сразу позвоните, хорошо?

Я вздохнула и кивнула. Позвоню, конечно.

Нужна лав-стори для женщин к 8 марта? Лады. Но уж как получится. Если получится вообще что-нибудь...

Так-с, о чём или о ком писать – конкретно? Вопрос вопросов, потому что, с одной стороны, в голове теснится и пихается боками и локтями сто тысяч мыслей, идей и даже сюжетов. А, с другой стороны, нет ни грамма энергии на реализацию всего этого. "Реализацию"... Любопытно, что этой канцелярщиной я невольно пытаюсь замаскировать?

Реализация – это сесть крепко на пятую точку и начать писать, слово за словом, страницу за страницей, лист за листом. Это долго. Это нудно. Я уже продумала всю мысль от начала до конца, трижды с разных сторон обсосала, обкрутила, обкатала. Всё, на кой же чёрт мне тратить недели и месяцы, чтобы полностью раскрученную из спирали в прямую звонкую струну мысль заново скручивать и опять раскручивать? Для читателей? Снова проходя уже пройденный путь, опять возвращаясь и бродя по собственным же следам? Скучно. Лень. Да и дело неблагодарное, можно подумать, они, читатели, ждут-не дождутся. Но в данном случае речь-то о другом: есть довольно примитивное редакционное задание, которое надо выполнить. Не надо строить из себя Толстого или

Тоголя, не надо мучиться над формой и стилем. Женская лабуда. К 8 марта. Просто садимся и начинаем писать.

Но не пишется, ничего не торкает. Нет запала, нет энергии. Или лень?

Отсутствие энергии – сиречь лень? Кабы всё было так просто. Когда не взрывается внутри тебя какой-то хоть маленький, но везувий, требующий донести причину этого взрыва до людей (ага, до миллионов – когда совсем на солнце перегреешься), то нет ни малейшего желания тратить время на печатание слов на белом вордовском экране. Неужели у настоящих писателей везувии постоянно хлопочут в башке или в сердце? Счастливые. Или несчастные – с какой стороны взглянуть.

Пытаюсь красиво и элегантно щелчком выбить из сигаретной пачки одну штуку. Фигушки! Вываливаются две и сразу на пол. А пепел я, как правило, "элегантно" смахиваю с одежды. Есть смысл учиться элегантности, когда тебе полтинник? По-моему, никакого. Есть смысл пытаться разжигать в себе везувии, чтобы писать? Не знаю. Потому что я и хочу этого, и не хочу. Одновременно. Не хочу, потому что лень, а хочу, потому что всё-таки надо хоть как-то оправдать своё существование на этом свете. Пока что я не всегда вижу ему оправдание. Это вовсе не печалит меня, не заставляет рефлексировать, страдать и рвать на себе волосы – ещё чего! Да бОльшая часть людей на нашей планете копят небо и загрязняют воздух, и никакого от них прока, кроме вреда, нет.

Я ещё не самый ужасный вариант: от меня копоты и грязи по минимуму, чистюля я и брезгливая. Но хочется что-нибудь всё-таки создать, что ли? Оставить после себя не только имущество, но и что-то более важное...

Многие знакомые мне не раз говорили: пиши, дура! Ты можешь, у тебя получится. Ну и написала я рассказик один, мрачный и страшный. Там все умерли, мучительно и последовательно, друг за другом. Без никакого смысла рассказик, просто зарисовка: как в одной странной семье все умирали. Дала почитать народу, народ пришёл в ужас. "Зачем ты это написала? Про кого ты это написала? Как можно это читать? Как можно такое писать?" Я задала народу вопрос: "Вы мне конкретно скажите: это хорошо написано?" – "Отлично! Именно поэтому читать невозможно". Логично, что ж.

Мне сказали: пиши о любви, ты сможешь. О любви? Я? Конечно, смогу. Я знаю, что такое любовь. Знаю про неё так же хорошо, как и про одиночество. А тут и заказ от редакции подоспел.

Ладно, детки, садитесь поближе, я расскажу вам... нет, не сказку – быль. Настоящую историю про настоящую любовь. Про Лиду и Аркадия...

"Они встретились, когда ей было тридцать, а ему пятьдесят пять. То была середина 90-х, сумасшедшее, страшное, счастливое, дурацкое, полное надежд, абсолютно фантастическое время... Делались состояния, они же терялись

или отбирались, одни счастливицы взлетали, другие несчастные срывались в бездну, третьих убивали, четвёртые медленно и уверенно взбирались на самую крутую гору, чтобы в недалёком будущем стать олигархом или политиком самого высокого пошиба.

Такая была пора, время, подобного которому, возможно, уже никогда не будет в разваливающейся стране. В своём роде оно было уникальным и неповторимым – и в хорошем, и в плохом смысле. Период безумных контрастов, разбросов от и до, взаимоисключающих социальных проявлений, дурацкой политики и полукриминальной экономики. И мы в этом жили... не только выживали – это неправда! Жили, любили, создавали семьи, рожали детей, кружась вместе со всем творящимся вокруг безумием в отчаянном вальсе над пропастью, в красивых костюмах и платьях, но по колено в грязи, надушившись французским парфюмом, но всё время морщась от царящего в воздухе запаха навоза и крови.

При этом огромное количество людей жило себе и жило, не особенно замечая происходящих вокруг страстей и безумств, а, точнее, не обращая на них внимания, проходя аккуратно по касательной ко всякого рода завихрениям и взрывам, лишь изредка отряхиваясь от насевших на плечи и рукава пепла и осколков. Даже в столицах встречались подобные обыватели – и вовсе не в среде маргиналов и бедняков. Напротив...

Лида работала переводчиком с французского. Сначала она трудилась в фармацевтической кампании, а потом вдруг обнаружила у себя способности к переводу художественной литературы: в Интернете ей попался один симпатичный рассказ современного парижского писателя, и ей так захотелось поделиться удовольствием от прочтения с близкими и подругами, что она буквально за вечер сделала черновой перевод, а за последующие пару дней литературно отредактировала и привела текст в полный порядок – настолько полный, что сама удивилась и порадовалась своей способности плести изящной и, когда нужно, причудливой вязью слова, легко находить метафоры, гиперболы, синонимы, омонимы и вообще вполне непринуждённо обращаться с великим и могучим. В карман за словом или выражением лезть не приходилось. Всё-таки не напрасно она с малолетства была сумасшедшей читательницей и не мыслила себе жизни без "почитать на ночь, почитать за обедом, почитать (пардон) в туалете и в ванне". В 90-е – допланшетное и добукиридерское время – действовали по-старинке: покупали отпечатанные в типографии книги. Читали новое и перечитывали старое, второе даже чаще. Лида глотала новинки – романы, детективы, перечитывала классику – особенно Гоголя и Гончарова: любила она этих авторов, целые куски из их произведений знала почти наизусть. Перечитывать нравилось больше, чем читать свеженькое, за что она себя нередко корила, но тут же и оправдывала: мол, ей уже тридцатник, вся основная и

главная литература прочитана, можно и повторить некоторые удовольствия – новых шедевров всё равно не видеть.

И вот совсем маленький новый шедеврчик заставил проявить Лидины доселе скрытые способности к литературному творчеству. Выявил – прежде всего для неё самой – хороший слог, чувство обоих языков и бережное отношение к оригиналу.

Это отметил главный редактор издательства, куда её скороенько "сосватала" подруга, прочитав перевод шедеврика. В повышении доходов Лида не так уж и нуждалась. Её зарплата в кампании была весьма приличной, она жила одна в неплохой квартире в новом зелёном районе. Ей хватало на все её прихоти, такие как бассейн три раза в неделю, еженедельный шопинг "по булавкам и бельишку", на театр и кино, на поездки раз в год за границу. Ездилла она исключительно в Старый Свет, морской Восток её не привлекал, ей были интересны гуляния по европейским улочкам и музеям. Даже в одиночестве..."

Одиночество... Я ли не знаю всё про любовь и одиночество. Если не я, то кто тогда? В моей жизни было достаточно и даже слишком много и того, и другого.

Если говорить о любви, то я имею в виду любовь к мужчинам. Что же касается какой-то другой любви, родительской... Вот не могу сказать, что была избалована ею в детстве, вот уж нет...

Нас трое у маменьки. Я была средней, девочка между двумя парнями. Говорят, это известная штука: средние дети, которые между первым и третьим ребенком, самые несчастливые, потому что самые нелюбимые. Слышала и читала про это не раз и всякий раз удивлялась, до чего верно и насколько все люди неоригинальны в своих недостатках.

Я не была первенцем – удивительным чудом для молодых родителей, самым большим страхом, самым захватывающим приключением и самым огромным открытием в жизни, серьёзным пропуском во взрослый мир, где всё уже по-настоящему, без скидок и сюсюканья. Я не была последним долгожданным или неожиданным счастьем, которого уже и быть не должно, а оно вдруг случилось. Конечно, бывает, что сия нечаянная радость – вовсе и не радость, а наоборот – обуза, нежданно свалившаяся неприятность. В таких случаях взрослые люди просто избавляются от напасти без особых страданий и угрызений совести, но, если уж соглашались на поздний заход, значит, рады, значит, всё-таки считают случившееся чем-то хорошим.

А я получилась случайно и совсем неожиданно, более того – страшно не вовремя: через два года после старшего брата и аж за десять лет до младшего.

Как признавалась не раз маменька, она просто прошла-пила все сроки со мной. Старший брат много и тяжело болел, маменька моталась с ним по больницам и элементарно не заметила, что у нее вдруг совсем и окончательно заглохли

все женские дела. И сроки для аборта пропустила. Так я и появилась на свет. Да к тому же девочка. Моя маменька баб терпеть не может, для неё на этом свете существуют лишь мужчины, а все прочие – стервы, дуры и конкурентки. У неё даже подруг почти не было никогда, лишь парочка таких же женоненавистниц, как она сама. И вся их дружба – это бесконечные сплетни про других женщин. Особенно про красивых и успешных – в отличие от них.

Ну, да ладно, родилась и родилась. Папа меня, вроде, любил когда-то, но маменька ему, видимо, быстро объяснила, что к чему, кого надо любить, а кого ни-ни. И он себе больше ничего такого не позволял: ни ласк, ни поцелуев, ни игр со мной... Сколько себя помню с раннего детства, столько я была одна. Сама себя развлекала, сама себе пела песенки, сама придумывала сказки. Спасибо ещё, что был детский сад, куда меня отдали сразу после яслей. Ясли не помню. Детский сад был спасением для меня в смысле общения. А ещё именно там я поняла, что общение мне требуется, но очень даже дозированно. Я полюбила быть одна – именно для того, чтобы самой сочинять себе сказки и петь песенки исключительно соло для одного слушателя – для себя.

С малолетства знала, что глупа и некрасива. По сравнению с прекрасным во всех отношениях старшим братом. Что ж, я приняла это как факт и не пыталась даже рыпаться, чтобы что-то изменить или доказать. Просто присутствовала при развитии и росте гения всех времён и народов, уди-

вительного красавца и умницы.

Потом родился малыш... Мальчик. И он стал звездой номер два в нашей семье. А я ему молчаливой нянькой. Ой, я что – жалуюсь? Да упаси бог! Это было так давно и таким быльём поросло, что нынче об этом вспоминается с олимпийским спокойствием и с изрядной долей иронии. Где эти два гения – мои братья? Один сторожит автостоянку, другой допился до психушки. Родителей уж нет как десять лет – они последовательно ушли друг за другом в течение полугода, не выдержав позора и мучений из-за своих "гениев-ангелов". Да ну, какие обиды? Все получили по заслугам и поделом, изредка такое случается, судьба раскидывает карты по своему настроению и складывает собственные пасьянсы. Не думаю, что мироздание размышляло о том, как отомстить за меня, обиженную.

Ну, вот как писать историю о чьей-то любви, если в башку тут же лезет собственное, невыговоренное, утрамбованное в извилины, как мусорный компост! Начинаю писать, а через пять минут уже "нахожу себя" с сигаретой во рту, задумчиво разглядывающей потолок с пятирожковой люстрой и погруженной в собственные воспоминания. Мысли-воспоминания, которые будто бы делают мои попытки писательства легитимными: мол, я пережила, я знаю, видела, испытала. А кто, скажите на милость, из взрослых людей не пережил хоть чего-нибудь эдакого, что сделало его знающим жизнь мудрецом? Хм, мудрецом ли... Иные и переживут не меньше, чем

Фёдор Михайлович, а сказать им всё равно нечего: глупые, необучаемые, не умеющие анализировать и делать выводы. На их головы хоть всю мудрость человечества обрушь – напрасный труд, кроме шишек на черепушке никакого видимого эффекта. Не приспособлены. Если бы злой рок впихнул в жизни таких людей все шекспировские трагедии разом, на выходе всё равно мы получили бы то же самое "бе-е-е! ме-е-е!", что и в их повседневной серенькой по цвету жизни.

Зато у другого ого какое воображение, и переживать ничего ему самому не надо, всё себе представит и напишет так, что мир будет рыдать и с уважительным восхищением смотреть на человечище, которому довелось столько испытать и столько осмыслить. А на самом деле лишь второе: осмыслил – да, но ни фига не испытал. Все чисто умозрительно. На то он ум и талантище.

Впрочем, казалось бы, к пятидесяти годам у каждого сапиенса, ежели он не умственно отсталый, есть некий багаж, который можно конвертировать в рассказ-повесть-роман-сагу, коль имеются мозги, мало-мальски литературный дар и, главное, желание. Так мне представляется... И ещё мне постоянно кажется, что у меня не достаёт либо первого, либо второго, либо третьего. Каждый раз разное мерещится... То замечаю, что совершенно очевидно мозгами я скорбна – сказать нечего, мысли коротенькие, как у Буратино, никаких новых и интересных идей выдать миру не способна. То вижу, что литературным даром боженька меня явно обделил

– намного лучше у меня получается красить стены: в своей кухне во время ремонта и шпаклевать насобачилась просто идеально, и крашу лучше любого маляра – ровно, аккуратно, даже красиво.

Но самый кошмар – нередко приходящее понимание, что не очень-то и хочется. Тогда – зачем? Кто бы мне это объяснил.

...Да вернусь я когда-нибудь к истории? Или уже ушла слишком далеко?

"...Одиночество. Лида не понимала людей, которые им тяготятся. Решительно не понимала! Да, это здорово – прийти в компанию, болтать, веселиться, проводить время с приятными людьми, но потом не менее здорово вернуться в свой тихий дом, остаться наедине с книгами, с фильмами, с горячим кофе и любимыми ирисками... Это ж кайф непередаваемый! Почему люди так этого боятся?

Семья, муж, дети...Наверное, это прекрасно! Лида никогда не спорила с тем, что в этом можно найти счастье. Но есть очень важный момент... Момент счастья нового времени, другой эпохи, пришедшей на смену кондовому "совку", когда уже можно было выбирать самому то, что тебе хочется, а не следовать заведённым традициям и невесть кем придуманным правилам. В этом смысле Лида была одна из первых ласточек. Феминистки бы сказали: ласточка побед нашего движения, чему Лида несказанно удивилась бы. Ведь

она просто выросла внутренне свободной и независимой, а потому новые времена пришлись её натуре и характеру в самый раз. Никаких проложенных дорог, одинаковых для всех! Никакой колеи! Диплом ей самой хотелось получить, а вот дальше...

Дальше положено замуж и дети. Квартирный вопрос и очередь в детский сад. Поиски няни и вопросы летнего отдыха. Нет, не привлекало! Сразу после окончания института ей в наследство от двоюродной бездетной бабушки досталась крохотная однушка в Кузьминках, куда Лида с радостью съехала от родителей. Любили они друг друга, как без того, но почему-то не стали друзьями и близкими людьми. Родители застряли своим сознанием в коммунистических идеалах, очень были расстроены происходящими в стране переменами, как-то сникли, стухли, стали бесконечно смотреть сериалы и дурацкие ток-шоу... Словом, с ними Лиде было неуютно. Старые, не очень умные, скучноватые люди. Как она у них получилась вот такая? Почему? Наверное, потому что они всегда оба работали в полную силу и не очень её воспитывали – к счастью! – будучи в полной уверенности, что советская школа всё сделает, как надо. Слава бездарной советской школе! Если у ребёнка был ум, то такой ребёнок быстро соображал, что тёти-училки – дуры, а сама школа – это такое место, где дети должны научиться притворяться, зубрить и быть послушными или хотя бы делать вид.

Делать вид Лида научилась. Всегда была удобной "в упо-

треблении" для взрослых, послушной и даже кроткой. Училась хорошо, говорила вслух то, что надо, не буянила ни в школе, ни дома. Но когда началась свобода, вдруг решила для себя и оповестила близких, что дальше будет жить так, как хочет сама. Ей было не очень приятно осознавать, что для такого решения потребовалась отмашка наступившего нового времени, но утешалась тем, что лучше так, чем никак. Поэтому получив диплом, она переехала в теперь уже своё жилище, оставив родителей в недоумении: что она имела в виду под "как хочу сама". Скоро они с сожалением поняли, что их Лида – человек-одиночка, которому в сущности не нужен никто, кроме себя самой. И ни в коем случае никакого коллектива! Лучше – вообще никого. А потому внуков им, скорее всего, от нее не дождаться.

Был весёлый двухгодичный "замуж" – почти что просто так, для прикола, попробовать. Нет, одной оказалось лучше, приятнее, а вместе с юным мужем, когда кончилась дикая страсть, оказалось скучновато и даже хуже. Оказывается, муж был очень увлечён футболом, автомобилями и мог говорить об этом часами. Как это Лида не заметила на этапе жениховства? Впрочем, она тогда замечала лишь смугловатую кожу жениха, его сильные руки и такие зелёные глазницы... Ничего ж больше и не видела, дура, гормонами оглушённая.

В общем, развелись без страданий (хорошо хоть не успели ребёнка заделать), и Лида полностью ушла в своё сладостное

одинокчество. Никакие уговоры мамы-тётушек-подружек не помогали. Лида строила свою жизнь за собственным, очень уютным и красивым заборчиком. Мужчины появлялись и исчезали, никто из них не влезал в её душу и сердце так, чтобы она не мыслила жизни БЕЗ. Свой мирок, состоящий из книг, хорошей музыки, любимых фильмов и спектаклей Лида охраняла бережно и сурово. А потому близко к себе не подпускала никого – ни мужчин (любовники на время – и прощай), ни женщин (приятельницы – не более того). В гости, если бывала звана, то ненадолго и недалеко. К себе зазывала крайне редко и когда уже некуда деваться: либо приятельница рядом в её районе очутилась, либо очень-очень давно не виделись, и кто-то якобы соскучился и "нужно поболтать". А уж если откровенно, то Лида ни с кем не виделась бы ещё тысячу лет, но совсем становиться абсолютной затворницей, увы, нельзя, нехорошо, неправильно, ведь можно вообще связь с реальностью потерять. Иногда надо на людей поглядеть вне работы, пощупать-понюхать, как они живут, чем дышат, и лишний раз убедиться, что её выбор лично для неё – самый лучший. Тем ценнее становился её маленький домик, её уютное уединение, её, такой, казалось бы, странный для современной женщины из огромного города покой.

Но однажды они встретились..."

Какой смысл бросать курить, если... Надоели бесконеч-

ные разговоры-пугалки о вреде курения. Каждый раз спрашиваю этих, с выпученными глазами и одинаковыми рассказами о том, как во время воспаления лёгких они узерли рентгеновский снимок их дыхательных сокровищ... и с тех пор... да никогда! да ни за что! Я им задаю простой вопрос: вы собираетесь жить вечно? Они отвечают: нет, но долго.

– Что значит долго? До глубокой старости?

– Да! – гордо так говорят.

– До выпавших зубов, до деменции, до памперсов, до слепоты с глухотой, маразма и альдгеймера... Это вам нужно, да?

– Если не курить, то шансов долго жить без всего этого намного больше!

– Угу. А ещё если не дышать выхлопными газами, никогда не прикладываться к спиртному, не носить синтетику, не пользоваться бытовой химией... вы это соблюдаете? Нет? Что так? Но даже если вы будете делать, как доктор прописал, как советуют самые упорные долгожители – всё и строго – то после восьмидесяти, уверяю, что-нибудь, а, скорее всего, многое, всё равно настигнет. Так вот, мне уже пятьдесят, я не собираюсь жить вечно и даже более того: мне неинтересно доживать до деменции и слепоты. А моих честных вменяемых лет без памперсов осталось не так чтобы адски много. А потому... идите в жопу.

Невежливая я бываю, да. Но, право, достали. Нашли для себя причину всех бед – якобы нашли, и заговаривают зубы

и ведь не столько мне, сколько себе! Вот не будем мы курить, и жизнь сразу наладится, заиграет всеми красками с мольберта чокнутого абстракциониста, а уж старость нам обеспечена, как с картинки, с американской рекламной картинки про медицинскую страховку для "золотого возраста".

Я уж не говорю о том, что бояться испортить себе здоровье курением в то время, как сдохнуть с голоду или подцепив где-то летучий гепатит А, шансов в нашей стране куда больше. Или завтра война, или завтра в поход... Где война, там нехватка продуктов и лекарств, и тогда уже никто и не вспомнит про "борьбу с курением", за понюх табачка будут душу дьяволу продавать. Обычно я не веду с людьми апокалиптических разговоров, но в голове-то эту мысль держу всегда. Поэтому продолжаю курить с чистой совестью. Глупо это всё, глупо: бороться с прыщиком на попе, когда вокруг свирепствует чума.

Вот куда меня опять унесло? Я ж уже дописалась до исторической встречи моих героев. А вот у меня...

У меня были две исторические встречи, встречи моей жизни. Это значит, что я выходила замуж. Оба раза по любви, да. И я любила, и меня любили... Эх, всё-таки без предыстории не обойтись.

Что такое быть нелюбимой дочкой в своей семье? Нелюбимой сестрой? Это значит вырасти в закомплексованную женщину, убеждённую в собственной некачественности, плохости, негодности. Во всём. Ибо с детства вместо

"умница-красавица" слышишь рефреном "дура-уродина". В разных вариациях, не всегда в лоб и именно этими словами, но важна ведь суть, правда? А с сутью ни одного ребёнка не проведёшь: он всегда понимает, с каким чувством говорят ему близкие знаковые слова: умница, дурак, красотка, уродина... Какие эмоции на самом деле стоят за этими словами – восхищение, гордость, раздражение, презрение – никогда не тайна для детей. И неискреннее восхищение они тоже секнут с полоборота, не придавая ему никакого значения. Но если папа с сияющими глазами и улыбкой мультяшных персонажей восклицает, увидев дочку в новом платьишке: "Ох, какая же ты у меня красоточка, мне ж теперь придётся тучи мальчишек от тебя отгонять, где моя большая дубина!" – девочка чуть не взлетает под потолок от переполняющего её счастья. Она начинает повизгивать и подпрыгивать, крепко зажав в кулачках полы юбочки, её личико вспыхивает алым, а над верхней губкой поблёскивают крохотные искорки пота – она так возбуждена! Хотя и не догадывается, что её жизнь, в сущности, уже сделана, определена, как успешная, ведь то необыкновенное чувство радости, счастья и ощущение себя победительницей, подаренное ей только что отцом, настолько мощное и живучее, это такой мотор-моторище, что теперь уже никогда никаким злобным тёткам или завистливым подружкам не удастся сбить её с настроя: во веки веков она – лучшая.

А если всё наоборот, то из жизни получается скучная дра-

ма, а иногда и дурацкая трагедия: девочка с детства точно знает, что не удалась — ни внешне, ни умом, а близкие люди постоянно это констатируют с таким большим искренним чувством, что абсолютно неважно, как обстоят дела на самом деле, что там с умом и внешностью. Жизнь девочкой заранее проиграна: она станет жить, вести себя и проявляться именно как некрасивая дура — и так весь свой изначально горбом скривлённый век. Она будет бояться зеркал, потому что отсюда на неё всегда пялится урод. Она станет покупать одежду исключительно для "маскировки": огромные балахоны, шали, пончо — лишь бы закутаться в них, замотаться, чтобы никто не видел её так называемой фигуры. Она научится накручивать на голову платки и косынки в духе лихой комсомолки 20-х, чтобы спрятать "неудачные, жиденькие, сечёные волосики" — эти слова маминым голосом всегда кричат дурниной в её голове, когда она причёсывается.

Однажды, мне было лет двенадцать, старший брат страшно опозорил меня перед гостями. Дело в том, что у меня всю началось это чёртово, клятое, ненавистное половое созревание, я рванула в рост, на лбу выросли прыщи, я всё время потела... В тот день к родителям по какому-то поводу должно было прийти много гостей, маменька развернула мощную готовку — пироги, жаркое, огромная кастрюля картошки пыхтела на газовой плите. Было жарко, душно. Я помогала накрывать на стол и металась из кухни в комнату, туда-сюда, бесконечно и скоренько — из кухонного смрада в

комнату, где ненамного легче дышалось. Дым, внешне, только внешне похожий на утренний туман прохладного летнего утра, но удушливый и ядовитый, заволок всю квартиру. В общем, я тогда здорово взмокла. А когда пришли гости, и все рассаживались за стол, мой старший братец, оказавшись рядом со мной (кстати, участия в подготовке стола он никакого не принимал, а всё время просидел в своей комнате за книжкой), громко сообщил всем:

– Фуууу, вонючка! Хоть бы помылась! Не-е, я рядом с ней не сяду, – и заржал. Почему-то гости тоже заржали и мама с папой заржали. Мне больше всего на свете хотелось тогда умереть. Я даже не очень помню, как пережила тот момент, всё было словно в тумане. То есть, туман-то был на самом деле реален – кухонный, смрадный, но к нему прибавился ещё один – в моей голове: гадкий, тошнующий, воняющей мною, моим смрадом. В ушах шумело, смех вокруг отдавался болезненным эхом в черепушке и будто мячик ударялся о его кости, прыгая туда-сюда, туда-сюда. Было очень больно.

Я убежала из-за стола. В ванную комнату. Встала под душ. Прямо в одежде... Мне стучали в дверь, барабанили даже, что-то кричали. Я не слышала ничего, я стояла под душем, мне казалось, что я продолжаю вонять и воняю всё сильнее. То ли козлом, то ли секретией, то ли ещё чем-то отвратительным... Как потом выяснилось, под душем я стояла ровно сорок восемь минут, пока отец не взломал замок. Ну, меня, конечно, наказали.

С тех пор у меня появился, как сказали бы врачи-психиатры, вполне себе синдром: я принимала душ по несколько раз в день, как только хоть чуточку учуивала у себя запах. Любой запах, запах себя самой. Ненавидела это так, что, если только обоняние улавливало хотя бы одну мою молекулу, я готова была рычать и бить себя, рвать на себе волосы, царапать лицо и вообще хотела тут же убиться каким-нибудь наиболее зверским образом. Бывали страшные мгновения... Поэтому я приняла решение максимально их профилировать. Покупка дезодорантов и всяких туалетных вод стало ещё одной моей идеей фикс.

"Как от тебя всегда здорово пахнет!" – восхищались все вокруг уже в скором времени. Со временем я перешла на дорогие духи и дезодоранты с тонкими и изысканными ароматами. Экспериментирую, смешивая то и это. Кстати, потому "Парфюмера" Зюскинда читала с глубочайшим личным интересом. В результате, почти как герой культового романа (хе-хе!), научилась делать интересные смеси-сочетания. Узнала, к примеру, с какими дезодорантами сочетание Шанели даёт просто непревзойдённый эффект привлечения внимания и притягивания: запах получается такой вкусный, что люди неосознанно торчат, как пеньки, рядом со мной, и вдыхают, нюхают, наслаждаются. Ужасно забавно!

Так был приобретён опыт, колоссальнейший опыт! С естественным запахом своего тела я с двенадцати лет боролась нещадно и, кажется, победила его, убила, если такое в прин-

ципе возможно. Я сама не помню, как пахну и пахну ли вообще... Моё тело всегда не просто сбрызнуто всякими спреями, но ещё и умащено маслами и кремами. Ни один мужчина так и не смог "пробиться" сквозь это всё до моей натуры, до, как выразился один поэтически настроенный господин, моего "сока". Интересно то, что поначалу им всем очень нравилось, какая я вся из себя конфетно-парфюмерная, а потом почему-то страшно хотелось естества. Загадочная мужская натура! Но этого я им дать не могла. Никак не могла. И объяснить, почему, тоже не могла...

Наверное, нормален такой вопрос: а как я отношусь к чужим запахам, к тому, что другие люди источают? Нормально отношусь, спокойно. Я только себя в этом смысле категорически не переношу.

Кстати, ещё кое-что... Лет до сорока я не выпускала изо рта жвачку. Потому что боялась... да нет, не боялась, а была уверена, что у меня изо рта несёт гнилью. Почему? Не знаю. Это со мной случилось тогда же, в тот же момент жизни, когда к нам пришли эти грёбаные гости... С той поры у меня всегда повсюду были адские запасы жвачки: в ящиках стола, в портфеле, в сумочке, даже в карманах. Дожевав пластинку до состояния клёклой безвкусной субстанции, тут же закидывала себе в пасть следующую. Когда ситуация не позволяла походить на жвачное животное (уроки, лекции, театр, светская беседа и прочее), я скатывала жвачку в шарик и медленно и аккуратно перекачивала его между щёк. Иногда

чуть-чуть посасывала... В общем, стала асом в профилактике неприятного запаха изо рта. Хотя, как выяснилось, я боролась с фантомом, превратив борьбу в совершенно откровенную фобию. Примерно лет в тридцать пять меня вдруг затошнило от вкуса и запаха этой проклятой резины и внезапно, в одночасье я выплюнула гадость изо рта и из своей жизни, распотрошив и выбросив все запасы жвачки в мусоропровод.

И ничего не случилось. Оказывается, я вовсе не была огнедышащим драконом, никто даже не заметил перемены, несмотря на то, что как курила я лет с двадцати, так и продолжала это занятие. Тогдашний мой мужчина не заметил ничего... По крайней мере, расстались мы вовсе не по этой причине и намного позже. И устроила наше расставание я, а не он. Впрочем, я опережаю события в повествовании, да и вообще, зачем, зачем я всё это пишу? Мне ж нужно про Лиду...

"Аркадий Семёнович в свои пятьдесят пять был уже десять годков как свободен, то есть, разведён. Его бывшая, о которой он никогда ни с кем не говорил, которую не обсуждал и которая вообще была фигурой умолчания для всех его коллег и приятелей, беззаботно жила все эти годы на то, что давал Аркадий: он поднял их детей – сына и дочь, обоим дал прекрасное образование – в Лондоне, и предоставил возможность их матери, не работая, вести ту жизнь, к которой

она привыкла в браке. Что там у них случилось когда-то – бог весть. Мужчина был в этом смысле кремень: никому и ничего, ни полслова. На него за это злились часто, обижались, но и уважали: редкий случай в наши дни – мужик не сплетник и не болтун. Не вываливает свои обидки и недовольство "этой стервой", для детей делает вообще всё возможное. Хотя, кто знает, кто там был виноват? Может, он, Семёнович, натворил таких дел, что теперь придётся до конца жизни зализывать? Может, его жена – жертва, а он – чудовище? Когда ему как бы в шутку намекали на то, о чём могут подумать из-за его упорного молчания, он лишь усмехался и пожимал плечами, что означало явное "да думайте, что хотите, мне плевать, не получится спровоцировать".

Он мог себе позволить плевать на всё, что угодно. Он был Мозгом. Инженером божьей милостью. Его талант ценили при "совке", а когда началась свистопляска "постсовка", те лихие ребята, что сражались за заводи-ки-предприятия и хотели всё-таки заниматься производством, а не только купи-продай, крепко держались за Аркадия: в своём деле он считался асом из асов. Потому никогда не нуждался в средствах: его тянули в разные стороны, переманивая деньгами и возможностями, лишь бы пришёл работать. Один его мозг заменял целый отдел с десятком инженеров. Плюс руки, которые тоже росли, такое ощущение, что прямо из мозга и могли вполне заменить точнейшего японского робота-манипулятора. Тогдашние ребята в малиновых пиджаках не

умели жить без кликух, поэтому к Семёновичу приклеилось "Аркаша-Головач".

Он стал очень состоятельным уже в самом начале девяностых и существовал спокойно всё бешеное десятилетие: при любом раскладе, даже при гибели предприятия, его тут же подхватывало другое, спешно предлагая еще лучшие условия, чтобы никто не успел перехватить. Конечно, он был никакой не Левша, а большой талант с лучшим советским образованием. И в новые времена Аркадий сделался очень небедным человеком. Таким, кто мог позволить себе многое, очень многое, но предпочитал продолжать жить спокойно и без излишеств, а деньги в виде конвертируемой валюты складывать в банки, ценные бумаги и куда там ещё их пристраивают умные и небедные? Далеко не Плюшкин! Машина – БМВ, квартира – в тихом центре, дети, как уже говорилось, в Лондоне. Но в то же время никаких идиотских трат на яхты, модельных баб и золотые унитазы. Аркадий насмешливо наблюдал в 90-е за безумством вчерашних нищих и ментальных холопов. Надо сказать, что эти люди его не любили – они грамотно умели считывать "не те" взгляды, и других каких "ботаников" и яйцеголовых могли за такое же пристрелить. Но не Аркашу-Головача. Он им был нужен, хотя те же персонажи, что терпели его насмешливую снисходительность, за спиной у него отрывались и говорили всякое грязное, что только могло прийти в их с детства набитые пакостью головы.

Аркадий Семёнович – ангел? Вот уж нет. Он был непостоянен в отношениях с женщинами, они ему быстро надоедали. И главной приметой того, что он намерен вот прямо сейчас закончить роман, всегда была покупка для дамы круиза по Средиземному морю. С прицелом, с расчётом, что у дамы завяжется что-нибудь новенькое. Иногда так и случалось. Когда номер не проходил, и дама возвращалась к Аркадию ещё и преисполненная благодарностью за чудесно проведённое время, он становился жёстким и довольно резко сообщал про изменение своих жизненных планов. А к женским слезам и воплям был обидно равнодушен. Женщины уходили с болью. Нехорошо... Но ему плевать.

Аркадий презирал благотворительность, видел в ней что-то жульническое, шулерское, унижительное. Когда уж сильно припекала "общественность" и на него смотрели десятки пар глаз, приходилось доставать бумажник и "отстёгивать". Мысленно он матерился, и многое отражалось на его лице, в мимике и уж точно во взгляде умных серых глаз. В общем, чувства, обуревавшие мужчину, окружающими считывались верно. Его считали скупердяем и сухарём.

У Аркадия были приятели, но не было близких друзей. Всем было очевидно, что Головач и не стремится их иметь. Да и окружающие тоже не шибко мечтали войти в его "ближний круг", побаиваясь его скрытности, желчности, сухости. Да и что там был за ближний круг, никто толком и не знал. А он состоял всего из двух его старых приятелей – одного со

школьной скамьи, другого институтского. И никого больше Аркадию не было нужно. С ними он встречался иногда у кого-то из них дома, порой в кафе или ресторане. Иногда вместе ходили на выставки – все трое увлекались живописью, изредка в театры. И им было о чём поговорить. Чисто по-русски – побазлать всласть о политике, повспоминать прочитанные ещё в молодости книги. Современность не дарила ничего великого, в том числе в литературе, оставалось только вспоминать, перечитывать, восхищаться умом, прозорливостью и талантами авторов прошлого. Не такого уж и далёкого, но всё же ушедшего безвозвратно.

А всё остальное время занимала работа, любимая, тяжёлая, трудная, но и прекрасная. Иногда дети... Но оказалось, что выросшие дети не такая уж радость, скорее боль. Всё-таки ему пришлось расстаться с ними и оставить матери, какой бы она женщиной ни была. В конце концов, однажды он сам её выбрал.

Да, не ему привелось воспитывать своих детей, формировать их характер и отношение к жизни, к людям. Всё сделала она. Виновата в этом? Да нет же. Ведь он мог остаться, куда не уходить из семьи, никто его не выгонял. Мог..., но не смог. Смириться и продолжать жить, будто ничего не случилось? Нет, увольте. Не для его натуры такие компромиссы.

В каком-то смысле он был человеком прошлого... Впрочем, ерунда: можно подумать, что в некоем буколическом прошлом все были удивительно верные, порядочные, семей-

ные, а вот новое время – бах! – и испортило нравы. Чушь. Всегда существовали люди порядочные и морально грязные. Другое дело, в какое время что в чести и в моде. А мода диктует нравы и поведение, отнюдь не только длину юбок и фасон пиджаков. Есть те, кто неподвластен духу времени и моды в морали, в нравственных устоях и отношении к жизни. Для таких не существует понятия «сегодняшняя мораль» или «современные нравы». Для них белое всегда белое, а чёрное не меняет своего цвета в зависимости от технического прогресса или количества потребляемой в единицу времени информации. Вписаться в жизнь они вполне способны, тем более, когда есть талант и востребованность их профессионализма, но, даже вписавшись, такие люди существуют в обществе, чуточку отсвечивая своим беловороньим цветом, часто многих этим раздражая и даже выводя из себя.

Аркаша откровенно презирал модный образ жизни, хихикал над российскими мужланами, изо всех сил стремящимися быть похожими на персонажей из фильмов "Однажды в Америке" и "Крестный отец" – по крайней мере, во внешних своих проявлениях. О его презрении знали все, несмотря на то, что он никогда не выражал его словами. Но довольно было замечать его взгляды и ухмылки, а также "слышать" его оглушительное молчание, когда, к примеру, руководящие пацаны "сбрасывались" на сауны или устраивали загородные выезды целыми конторами, называя обычное блядство красивым словом "корпоратив". Никогда Аркадия не

было ни в саунах, ни на корпоративах. Понятное дело, что любить его не могли, а терпеть приходилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.